

Ася
Акатова

БЕРЕМЕННА
в 45

Ася Акатова

Беременна в 45

<https://litres.ru/74212294>

Аннотация

- Ты изменил мне, а я беременна! - в истерике кидаю в мужа вазой. Промахиваюсь. Жаль.

- С ума сошла?! В 45 лет собралась становиться матерью?!

Муж в шоке с того, что я знаю о его предательстве. И что он станет отцом. В третий раз.

- То есть, мамой разрешено стать только твоей малолетней свистушке? Не отпирайся. Мне все известно, козлина.

- Алиментов не дождешься. Пенсионный возраст скоро, а ты все мозги растеряла. И красоту. Раз все знаешь - расстанемся, и иди на все четыре стороны.

Хищно прищуриваюсь: "Нет уж. Ты еще заплатишься за то, что натворил. Так просто не отделаешься".

История участвует в литмобе "Развод в 45"

ХЭППИ ЭНД ДЛЯ ГЕРОИНИ!

Содержание

Сознайся, козлина!	4
За такие шутки в зубах бывают промежутки...	7
Знакомство с героями)	10
Насильно мил не будешь	11
Выживает сильнейший	14
Незаменимых нет	17
Правда на моей стороне	20
Есть информация?	23
Вот она!	26
Выводы сделаны	29
Смотр невест	32
Без выкрутасов	35
Хитрая лисичка	38
Осада шефа	43
Две женщины моей жизни	49
Свершилось	55
Свободен выбирать	61
Плотину прорвало	66
Я влюбился	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сознайся, козлина!

- Чего ты в последнее время такая бледно-зеленая ходишь, а? И на огурцы налегаешь. Беременная, что ли? - хохотнул муж, гордясь своим остроумием.

- А если и так? - с вызовом бросила я.

Сегодня утром я сделала тест и увидела там шокирующие две полоски. Хотя и без них можно было догадаться по остальным симптомам. Но в моем возрасте - это такая неожиданность и чудо...С подросткового возраста женщин подкалывают этим "на соленьюшко потянуло, а, проказница?", но к моим годам такие приколы уже прекращаются.

- Жень...- муж вдруг побледнел и отступил на шаг. У него затряслись руки,- ты так не шути больше, ладно? Вообще не смешно.

- А я и не шучу. Чего так удивляешься? Разве не знал, от чего бывают дети?

Гляжу на него в упор. Точно такая же реакция у него была и на нашего первенца. Я забеременела в двадцать лет - после двух лет семейной жизни. У нас не все было тогда гладко, и денег особо не было - и тут такая новость как снег на голову. Кирилл сначала тоже ходил весь как призрак, но потом взял себя в руки. Усадил меня за стол, серьезно сказал: "Я - мужик и глава семьи. Должен взять за вас всех ответственность. Теперь все будет иначе".

- Знал, но... Не дури, Жень. Куда нам его сейчас? Мы же только Катьку на ноги подняли - квартиру ей подарили, образование оплатили. Я думал, мы для себя поживем... Наконец-то свободными стали.

Горько хмыкаяю: "Ты-то уж точно свободным стал. Чуть ли не последний мост жжег к своей старой жизни".

- На что это ты намекаешь?! - насторожился Кирилл. Ох, не нравились ему все эти разговоры.

Муж привык, что в нашей семье он всегда главный и самый умный. Что его слово - закон. Никто ему не смеет возразить. А уж тем более угрожать. К чему я сейчас потихоньку и подбиралась. Вот так вот - жил, в ус не дул, ходил спокойненько налево. И даже не сомневался в своей правоте - не мучила совесть. И тут я, наглая такая, сунула нос в его дела - раскопала, всех скелетов из шкафа вынула. Да еще и отказалась молчать в тряпочку. Потому что достало все!

- Не намекаю, родной. Уже прямым текстом тебе говорю. Новую жизнь ты начал, да? Без ребенка подросткового. И, видимо, без своей первой жены, которая тебе уже надоела.

Супруг продолжал делать вид, что не в курсе: "Какая муха тебя сегодня укусила, а?"

- Молодая. Двадцатилетняя. К которой ты уже два года бегаешь, кобель.

Аллочка. С виду божий одуванчик. Ангелочек. И я купилась на ее внешность кроткий овечки. Как и многие другие. Но сейчас я прекрасно понимаю, что эта девица все тща-

тельно продумала. Соблазнила моего мужа и увела из семьи.
А теперь еще и ребенком привязала, чтоб уж наверняка.

За такие шутки в зубах бывают промежутки...

- Не говори ерунды...-огрызнулся Кирилл, но понял, что я не полная дура - не получится уже сделать вид, что я сама себе напридумывала драмы. Поэтому он поспешил переключить тему на тому, что волновало его сильнее,- Ладно, сейчас не об этом. Ты реально в положении?

- Да. Можешь гордиться собой, теперь ты настоящий отец-герой. Троих настругал. Или больше. Признавайся, сколько еще любовниц у тебя раскидано по городу?

Ненавижу! Как он мог?! Скоро у нас должна была быть годовщина. Мы вместе все планировали, приглашали гостей - зачем он так хитро и умело притворялся?!

- Не смей так говорить! - вдруг вспыхнул Кирилл,- я люблю ее! У меня никого больше нет кроме Аллы. И никто мне не нужен.

Начинаю истерически смеяться: "И я, видимо, тоже. Никогда не думала, что, будучи в законном браке, стану "второй женщиной". Ненужной. Уж прости, что встала между вами".

Он любит ее. Как ножом по сердцу. Мне было бы гораздо легче, если бы для Кирилла это была просто похотливая интрижка. Не мог сдержать своей страсти, залез на малолетку. Но так...это в тысячу раз больнее. Когда изменяют не просто

телом, но еще и сердцем. И ваш священный брак - союз, созданный и благословленный на небесах, летит в бездну..

- Ну чего ты истеришь, а? - вдруг брезгливо спрашивает предатель,- ты же сама во всем виновата. Кто тебя просил совать во все это нос? Получила? Теперь пеняй на себя. Я тебе пока что говорить не собирался.

Не могу больше сдерживаться. Рядом со мной на камине стоит ваза. Дорогушая - муж совсем недавно купил на аукционе и очень гордился, что увел ее из под носа у других богачей. Даже друзей собирал, чтобы похвастаться редчайшей находкой. Не долго музыка играла. С наслаждением хватаюсь за нее и...кидаю в мужа! Уворачивается, гад. И ваза с дребезгом разбивается о стену. Когда Кирилл понимает, чем именно я в него кинула - приходит осознание. Он ведь мог ее поймать. Но увернулся.

- Ты чего творишь?! Ты хоть помнишь, сколько она стоит?!

- Мое доверие к тебе было бесценным,- с горечью парирую я,- но ты, не раздумывая, выкинул его на помойку.

Слежу за реакцией - терзался изменщик или нет, когда уходил от меня к другой женщине? По лицу понимаю, что нет...Наверно, даже ни одну жалкую ночку не мучался от бессонницы, проклиная себя за неверность.

Обвожу глазами комнату. Порча имущества на самую малочть, но облегчила мне душу. Не хотелось останавливаться. Жалко, что коллекционные статуэтки на другом конце ком-

наты - перебила бы все до единой.

- Прекрати! - увещевает Кирилл,- Жень, взрослая вроде баба. И кстати об этом...Ты что, действительно беременна? И собралась рожать? Без шуток?

Да какие уж тут шутки...Может, кто-то там, наверху, тоже хотел превратить мою жизнь в комедию. Однако пока что получается очень жестокая драма.

Знакомство с героями)

Кирилл Логинов. Нефтяной магнат. 45 лет

**Евгения Логинова. 45 лет. Владелица ювелирного
магазина**

Катя Логинова. 25 лет. Их общая дочка

Аллочка. Любовница в студии)

ОЧЕНЬ ПРОШУ поставить истории **ЗВЕЗДОЧ-
КУ**, (мне нравится) это сильно поможет мне в продви-
жении книги

**История участвует в 18+ литмобе "Беременна в
45". Заглядывайте в наши интересные книги: [https://
litnet.com/shrt/y74p](https://litnet.com/shrt/y74p)**

Насильно мил не будешь

- Да. С тобой или без тебя - значения не имеет! - ответила я воинственно,- ты в этом вопросе ничего не решаешь.

- Вот дура...- Кирилл посмотрел на меня даже сочувствующе. После этого еще сильнее захотелось ему вмазать,- В сорок пять лет. Тебе на пенсию скоро. Ребенок в начальную школу пойдет и будет стыдиться, что у него такая старая мать. Будет всем говорить, что это бабушка пришла.

Я покраснела, но самообладания не потеряла: "Стыдиться надо того, что у него отец - полный моральный урод. А уж моя внешность - дело десятое. Кстати говоря, а Аллочкина малютка не будет всем рассказывать, что ее в школу отводил дед Кирилл? Мы с тобой ровесники, если не забыл".

У мужиков от новых интрижек вырастают крылья. И им начинает казаться, что они - Аполлоны. Еще и новая пассия нашептывает, какой он сильный и выносливый жеребец. Подходит к зеркалу такой Нарцисс и потом взгляда от себя любимого оторвать не может. Но пусть не зарывается. Я его быстро опущу с небес на землю.

- Ты прекрасно знаешь, что мужчины и женщины стареют по-разному. Мы вот как хорошее вино с годами. А вы сдуваетесь. Скоро климакс, с тросточкой будешь ходить - это вообще чудо, что ты смогла зачать.

- Вот именно - чудо! - я пропустила его тупые рассужде-

ния по поводу моей старости мимо ушей. Между прочим, не зря же говорят, что в "сорок пять баба ягодка опять". А вот у мужиков уже проблема с их "друзьями" сплошь и рядом - отказываются стоять, подводят в важную минуту. Еще и лысеть начинают - полный набор,- и я от этого чуда ни за что не откажусь. Меня не пугает перспектива стать матерью-одиночкой.

На самом деле, пугала, да еще как...Я столько лет провела в браке. Развод для меня - уже сильнейший стресс. А тут еще и незапланированная беременность. Без помощи. Но куда деваться? Придется учиться становиться независимой. Ради малыша. И себя тоже.

- Окей. Хочешь в дурь обуваться - пожалуйста. Я свою позицию обозначил четко. Не надейся, что потом разжалобишь меня своим бедственным положением. Оставишь - ладно. Но ни копейки на алименты ты от меня не увидишь.

У меня так сильно защемило сердце..Я представила, что наши детки родятся примерно в одно и то же время. Вот только ребенка любовница будут баловать, холеть и лелеять. А мой даже не будет знать, как выглядит его биологический отец. Как так можно?! Если они оба твои кровиночки! И ни в чем не виноваты...Но я знала, что Кирилл изначально возненавидел малыша, который развивался в моем чреве.

- Не пугай ежа сам знаешь чем...Мне не нужны твои подачки.

Как он не понимает - дело совсем ведь не в деньгах! Но

насилъно мил не будешь...

Выживает сильнейший

- Смелая, да? Дерзкая? Что ты строишь из себя, Жень, кем пытаешься казаться? Ты же рожаешь только ради мести. Чтоб мне испортить новую женитьбу. Добавить негатива в момент рождения наследника.

Ох, простите, что только одним своим существованием ставлю палки в колеса. Это какие же мозги должны быть набекрень, чтобы искренне верить, что кто-то рожает для того, чтобы отомстить?! Жертвовать своим здоровьем, рисковать - чтобы насолить бывшему мужу? А не много ли чести своей персоне?! Психопат.

- Мир не крутится вокруг тебя одного, Кирилл. Знаю - трудно поверить, когда в фирме все только и делают, что подлизывают тебе за повышение, а молодые сотрудницы вешаются на шею в надежде, что ты им подаришь брюлики или сводишь в ресторан. В новой компании попробуй хоть раз удержаться от того, чтобы козырнуть своим богатством - и увидишь, как быстро до тебя всем не станет дела. Потому что личность у тебя пустая и отвратительная.

Трудно поверить, но мы с супругом поднимались с самых низов. Вместе! Я ночами не спала, чтобы он добился успеха. И как же Кирилл в начале был мне благодарен...Обнимал за колени, шептал, что без меня у него ничего бы не получилось. Я верила в него больше всего на свете - мотивировала

и сама в стороне не сидела. Была пробивной, находила "полезные контакты" и расхваливала им супруга, чтобы те дали ему шанс. А сколько работы моей было сделано в тени, чтобы не унижать "хрупкое мужское эго". Может, это было и не правильно. Зря я его жалела. Потому что так у супруга осталось меньше благодарности - с годами память стала говорить ему, что он сам всего добился. А я лишь слегка подтолкнула его к великим свершениям.

- Не зарывайся,- Кирилл прищурился с сильной враждебностью,- а то быстро укорочу твои крылышки. Не взлетишь.

- Свои пустые угрозы и давку авторитетом оставь для кого-то другого,- я уперла руки в боки,- ничего ты мне не сделаешь. Максимум - будешь мелочно терроризировать и насылать проверки с жалобами на мои магазины. Но я веду честную работу, в отличие от некоторых. Никто не прикопается. Переживу.

Я уже просчитала все ходы. Собака лает, да не кусает - это про Кирилла. Может гаденько делать вид, что у него козыря в кармане, но дальше пустой болтовни дело не сдвинется - кишка тонка, и полномочий не хватает.

- Не будет никаких проверок. Я просто заберу у тебя ювелирный бизнес, вот и все. Алла принесла мне пару своих эскизов, она давно мечтала занять эту нишу.

Хохочу: "Еще чего сделать? Это не песочница, где ты можешь подойти и просто силой вырвать у меня игрушку".

- Мне это незачем. Просто вспомни двадцатое ноября три

года назад.

Все внутри меня холодеет. Не может быть! Как?! Нет, это блеф! Внутри меня все холодеет...

Незаменимых нет

- Бред. Ты сказал дату наобум. Кошмаришь меня...- но оба мы понимаем, что это не так.

В тот день случилось слишком много судьбоносного, чтобы хоть кто-то из участников действия это позабыл. Столько стояло на кону...Произошло невероятное количество противоречивых вещей. Именно поэтому в моменте нельзя было помешать ходу событий - у каждого была своя правда. Но Кирилл, видимо, времени не терял...И копал мне глубокую яму. В которую я угодила спустя аж три года...

- Ты прекрасно понимаешь, что нет. Так что прикуси язычок, милая. Будешь послушной - бизнес останется при тебе. Ну...какая-то его часть. Целиком - тебе жирно будет. А так позволю получать обеды, которых тебе вполне хватит на скромное пропитание.

Не целиком?! Да я столько вложила в свое детище! Я сама рисовала эскизы, отбирала персонал, проводила им стажировки, летала по командировкам, постоянно улучшала концепцию. Привлекла к нам богатейших клиентов и сделала так, что за нашими эксклюзивными коллекциями выстраивается очередь! И все вот это, кровью и потом сделанное, просто так подарить любовнице?! Просто потому что у нее грудь больше и взгляд нежнее?!

- Классно ты придумал - держать меня на коротком по-

водке. Ты же догадываешься, что без меня весь корабль пойдет ко дну. И клиенты разбегутся, и нанятые люди не смогут без меня поддерживать люкс уровень. И мне, чего греха таить, безумно жалко смотреть, как погибает мое детище. Представляю, какие каракули подсунула тебе Алла - я тоже видела парочку. Просто детский сад. Она половину сгенерировала с помощью искусственного интеллекта, а другую половину украла у уже известных дизайнеров - и это очень скоро вскроется. Так что ты хочешь предложить мне практически безвозмездно помогать вам забрать все лавры себе, пока вы палец о палец даже не ударите.

И рыбку съесть, и косточкой не подавится. Браво. Вот только я вам обоим встану поперек горла!

- Другого выхода у тебя нет,- равнодушно пожал плечами Кирилл,- либо соглашаешься на наши условия, либо выметаешься на улицу. Придется пахать - из жалости тебя никто держать не станет. И не раздувай так эго. Держи в голове - незаменимых людей не бывает.

Тогда и ты тоже вспоминай об этом хоть изредка, дорогой...Ты сам окружил себя крайне лицемерными людьми. Так что не удивляйся, если в один из дней тебя подсадит "правая рука", которая до этого передавала все сплетни про отдел и выполняла за тебя грязную работу. Или что молодая любовница переметнется к другому, у кого больше денег и известности. А то такое ощущение, что возомнил себя неприкосновенным. И вешишь людские судьбы.

- А как же Катя? - ударила я по больному месту,- дочери ты расскажешь о своих похождениях?

Правда на моей стороне

- Не лезь ни в свое дело! - тут же ошетинился муж. Глазки забегали. Явно было стыдно перед дочкой признаться, что родители разводятся по его вине. Что он изменил, хотя на всех праздниках обожал бросаться красивыми словами. И что ушел не к кому-нибудь, а к молодой. С работы. Позорище,- это тебя не касается.

- Пока я являюсь прямой участницей этих гнусных событий - косается напрямую,- отрезала я,- вот она обрадуется беременности матери. А потом проклянет тебя за то, что ты бросил женщину в интересном положении. Чтобы нянчиться со своим вторым нагулянным отпрыском.

Как ни крути, а моя беременность была камнем преткновения. Она мешала моему мужу во всех аспектах. Его бизнес-репутация может пострадать от того, что все увидят - красавчик бросил пузатую жену ради молодой с четвертым размером. Дочь тоже встанет на дыбы - она у нас девочка высокоморальная. Да и алименты мне придется отстегивать нехилые - такой огромный доход не получится скрыть и сделать черным. А я женщина боевая - и в суд пойду, и куда там еще надо. Не позволю обделять свою кровиночку. Кате мы старались давать все самое лучшее, развивали ее, вкладывались. Этот ребенок ничем не хуже и достоин того же - тем более, у нас сейчас возможности стали еще круче. Хотя в

частный детский сад отдавай, хоть нанимай няню-иностранку, которая будет с ним на двух языках разговаривать. Есть свои прелести в том, чтобы быть "поздним ребенком".

- Она всегда мечтала быть единственным ребенком, и конкуренты ей не нужны,- муж вкинул слабый аргумент.

- Тем не менее, у нее их появится сразу два. Вот только один от жены, а другой от любовницы. Угадай, какого братика или сестричку она полюбит больше?

Для мужа была очень важна любовь Кати. Он баловал ее с пеленок, они оба искали поощрение друг в друге. Отец не мог допустить, чтобы он стал в глазах дочери мерзавцем и подлецом. Тут поглядеть, как все может обернуться - дочка может и возможности видаться с внуками его лишить.

- Надо будет - я скажу всем, что ты его нагуляла,- муж снова попытался надавить авторитетом,- а то странная какая-то история. Ни погодок не родили Катьке, ни попозже. Зачем-то больше двадцати лет ждали, чтобы еще одного заделать. Нетипичная ситуация. И нелогичная. А скорее всего произошло вот что - маманя наша не удержалась и завела себе любовника. Такого страстного и горячего, что рядом с ним забывала пользоваться защитой. И вот результат. Наставила мужу рога и под шумок хочет выдать нагулянного за своего, чтобы не было позора. Однако честный любовник пришел и по-мужски передо мной во всем сознался - и я громко выставляю тебя за дверь за неверность.

Сволочь...Всегда переводил стрелки на других. Прямо

профессионалом стал в этом грязном деле.

- Если потребуется, я прилюдно проведу ДНК-тест,- спокойно сказала я,- правда на моей стороне, мне нечего бояться.

Есть информация?

(Год назад)

- Женька, не боишься, что твой муж такую молоденькую сотрудницу взял на роль секретарши? - приятельница пихает меня локтем, пока мы выбрались на чашечку кофе в центр города.

Вот вроде и подруга она мне, но... Взгляд стал таким хищным. Знала ведь, что это это не просто невинная шпилька - теперь рот разинула и ждет от меня подробностей. А потом полетит сплетничать со всеми остальными.

- Что ж ему, только пенсионеров нанимать? Дети приходят из университета, им тоже нужно трудоустроиваться, - я невозмутимо пожала плечами. Вот люди... иногда просто ищут повода, чтобы почесать языки. Все в жизни хорошо - так нет же, прикопаются к любой мелочи и раздуют из мухи слона.

- Надо-то надо, но не всем сразу же становиться помощницами нефтяных магнатов. Особенно не таким красивым и сисятым. Ты уж без обид. Думаешь, настолько гениальное юное дарование, что именно она должна разносить кофе и принимать посетителей? Без нее и ее светлейших идей компания рухнет.

У Оксаны пять лет назад муж переспал со своей подчиненной. Я вздыхаю и понимаю, откуда ноги расут. Обжег-

шись на молоке, теперь дует на воду. Вроде бы и из благородных побуждений говорит - пытается предостеречь меня от "опасности". Но с другой стороны - ей будет приятно, если и мой брак распадется по этой же причине. Тогда она будет не одна. Не "бракованная" - раз такое случается повсеместно.

- Ты сама ответила на свой вопрос,- я сделала глоток, чтобы скрыть подступающее раздражение,- она красивая и смазливая. Будешь отрицать, что люди не "любят глазами"? Всем хочется, чтобы на входе их встречала модель. Приветливая и чудесная. И тогда они с радостью вернутся, чтобы услышать еще одно ласковое "доброе утро".

Оксана не сдавалась: "Однако у мужиков, кобелей этих, на "глазах" обычно ничего никогда не заканчивается. Им чужда концепция "Смотреть можно, трогать нельзя". Все хотят полапать, прибрать себе".

- Ксан, дай кофе попить, а? С утра маковой росинки во рту не было, а ты мне настырно продолжаешь аппетит портить. Я тебя слышала. Спасибо. Присмотрюсь.

Уже и не знала, как поменять тему в разговоре. Настырная какая. Лучше бы на совещаниях так бойко идеи по развитию фирмы предлагала, а не меня семейной жизни учила. Нам давно уже не по двадцать и не по тридцать, опыт у обеих за плечами имеется.

- Ты слушала, да. Но вот слышала ли..-горестно протянула приятельница,- отмахнулась от меня как от назойливой мухи. Зря только распиналась.

Я уже не выдерживала. Ну сколько можно?! В ее представлении я должна была сию же секунду достать из сумки прошение о разводе, подписать его и кинуть супругу в лицо?!

- Оксан, если видела что-то - так скажи прямо. А нет - прекращай мне голову дурить, хорошо?

Так накрутила меня, зараза.. Что я уже сама начала верить. И говорила же себе - только вчера муж подарил цветы. Без повода. У нас все прекрасно. А пришла вот "доброжелательница" и взболотила.

- Ну...- собеседница как-то нервно подалась вперед и перешла на шепот.

Приглашаю в 16+ новинку нашего литмоба "После развода. Беременна от врага"

"- Вы намеренно сделали подсадку моим биоматериалом! - выдыхает в лицо мужчина. - И я хочу знать, кто вам помог?! Это был работник клиники?..

По ошибке во время ЭКО мне подсадили чужой биоматериал. Владельца крупного бизнеса Егора Фролова. Но он враг нашей семьи. И эта роковая случайность сталкивает нас снова...

<https://litnet.com/shrt/3dsm>

Вот она!

- Я не видела. Сама. Но ходят слухи. И сердцем я чувствую - случилось что-то нехорошее...Понимаю, что звучит максимально жалко. Но так оно и есть!

Не сдержалась и бросила в нее укоризненный взгляд: "Ксан...Представь, что так судебная система будет работать. Доказательств у нас ноль, но судье шестое чувство подсказало, что обвиняемый причастен. Поэтому даем ему три года строгого режима".

- А ты вспомни сериалы, где талантливых следователей спасала именно их неземная чуйка! Все говорили сдать, что те идут по ложному следу. Но они упорно копали там, на что остальные забили - и находили неопровержимую улику!

На то он и вымысел. Для красного словца, для интересного сюжета. Надеюсь, Оксана и без меня понимает, что она - не великий сыщик Шерлок Холмс?

- Окей, что ты предлагаешь? Давай прямо сейчас устроим неожиданный визит на производство мужа. Нас пропустят и без записи, хах. Ты же знаешь уже, как выглядит наша Мадонна - покажешь ее мне? А я прислушаюсь - ёкнет сердце или нет.

Две взрослые женщины. У которых дел по горло! Сели в машину и отправились на другой конец города. Мамочки...безумие заразительно. За рулем Оксана сказала: "Я не буду тебе больше ничего говорить. Мнение должно быть

непредвзятым". Но молчание убивало меня еще сильнее! Зерно сомнения было посажено и росло невероятно быстро.

- Семен, мы ненадолго. Кирилл Владимирович у себя?

Охранник как-то неприятно засуетился. Зачем-то сказал, что без пропусков пускать не имеет права, и что начальник просил не делать исключений ни для кого. Якобы он не поощряет кумовство и пытается наладить идеальную непредвзятую дисциплину на производстве. Но Ксана смерила его настолько презрительным взглядом, что тот тяжело вздохнул, прервался и пропустил нас.

- С каких это пор сюда не попасть, словно в бункер? - странное чувство. Муж никогда не боялся, что его разработки украдут. И не было никогда случаев, что посетители устраивали страшный бедлам, мешающий производству. К чему тогда такие меры предосторожности?

- Боссу важно, чтобы его никто не потревожил,- невзначай бросила приятельница,- и не застал врасплох.

Пессимистка! Нашла "решение" и везде его за уши притянет, лишь бы доказать свою правоту. Может, Кирилла просто достали деловые партнеры, которые приходили сюда, чтобы почесать языком. И отогнать их нельзя - страшно обидятся. А так есть железная отговорка - ни для кого исключений не делаем, порядок для всех один. Не записались заранее - что ж, просим прощения, но начальника сейчас нет на месте. Однако...я же его супруга. Самый близкий человек. Если уж и приехала, что случается не часто - значит, стряслось что-то

серьезное. Пропустить без замедления. Почему он не проговорил это со своей охраной? Или просто забыл?..

- Хорошо устроился,- тоже презрительно пробормотала Оксана. Но больше ничего не добавило.

Сердце мое уже натурально отбивало набат. Вглядывалась в каждое лицо. Пыталась поять - странно ли, что муж никогда не рассказывал мне о своей новой секретарше? Или это вполне естественно - он же не докладывает мне о каждом уборщике и бухгалтере, который приходит и уходит, отработав положенное. Вглядываюсь в каждое лицо, пытаюсь понять - она это или нет? Гадаю, какие эмоции испытаю от ее внешности.

- Вон она! - дергает меня за руку Оксана,- сейчас менеджер ее заслоняет спиной. Пошли!

Выводы сделаны

Почему я не хочу ее видеть? Оттолкнуть надоевшую и мучившую меня Оксану, броситься к выходу и скрыться в неизвестном направлении. Раньше я сама ругала людей, которые предпочитают сладкую ложь. А теперь сама сжимаю губы и отказываюсь глотать горькую пилюлю.

- Аллочка, вы-то нам и нужны! - голосит приятельница еще до того, как мы приблизились к цели.

Вот же! Мы договаривались на "смотрины", но я не предполагала, что придется взаимодействовать с секретаршей. Это удар ниже пояса! Нельзя просто так брать и с разбега зимой прыгать в прорубь - сердце может остановиться от перепадов температуры. Так и здесь. Подставили...

- Да-да, добрый вечер,- девушка высунула голову из-за спины менеджера,- простите, пожалуйста, я отлучилась от стола без своего блокнота. Если вас не затруднит - напомните, на какое время вы записаны и по какому вопросу?

Она была...у меня аж перехватило дыхание от этой красоты. Один вопрос - почему не пошла работать в модельное агенство? Такие деньги бы зашибала...Ее с руками и ногами оторвали бы все скауты - и все бы гордились, что именно они откопали такой бриллиант. Но, возможно, девчонка дальновидная - понимает, что красота слишком быстро проходит. А индустрия не терпит жалости - при первых признаках ста-

рения попросит на выход. Фанаты отвернутся, станут в сети писать гадости о том, что "она себя запустила", "верните прошлую версию" и тому подобное. Поэтому сразу выбрала сферу, в которой будет зарабатывать для себя мозгами и набираться опыта. Это уже вызывает уважение - пошла не по легкому пути.

- Добрый день,- я мягко поздоровалась с ней, пока Оксана не перешла в бой,- нет, мы без записи. Я пришла к своему мужу. Сейчас время обеда - он у себя?

Алла сразу поняла, о ком именно я говорю. Не о штатном сотруднике, а о боссе. Ах да, моя же фотография стоит у него на столе. Там мы все вместе - с еще маленькой Катькой, которая закончила начальную школу. Такая трогательная...Надо будет попросить и мне распечатать копию. А еще лучше - всем вместе сходить на семейную фотосессию и обновить аватарки. Время так быстро бежит, надо каждый год сохранять воспоминания...

- Кирилл Владимирович уехал по срочным делам,- проговорила она расстроено,- мне очень жаль, что вам пришлось проделать такой долгий путь до фирмы. Он сказал, что не планирует сегодня больше приезжать в этот корпус. Разве только поздно вечером. Позвонить и уточнить его график?

Девушка казалась мне ангелом во плоти. Такая скромная, воспитанная, учтивая. Ну и что, что она красивая? И грудь у нее правда большая. Такая уродилась, ее не спрятать. Но секретарша носит очень строгую одежду - никаких обтягива-

ющих юбок и декольте, все прилично. По деловому, со вкусом, но ни капли ни вызывающе. Волосы забраны, ноль макияжа, туфли без каблука. На меня она произвела приятное впечатление, поэтому я отвергла предложение.

- Не нужно. Это не срочно. Значит, в другой раз. Не будем больше отвлекать вас от работы.

Я схватила Оксану за локоть и повела прочь. Она шипела тихонько: "Ты чего это?! Мы же даже толком не поговорили! Куда ты?!"

- Я для себя уже сделала необходимые выводы,- ответила я строго,- отстань от девушки и выбрось эту дурь из головы. Она ни в чем не виновата.

Смотр невест

(Год и месяц назад. Кирилл)

- Алёна уходит в декрет в ближайшее время,- огорошил меня Константин Семенович.

- В месяц, когда у нас горят все сроки и планы?! - я рявкнул так, что даже крупный и высокий мужик съёжился и попятился.

Он виновато опустил глаза в пол: "Мы и так ее не отпускаем дольше, чем положено...А сейчас уже кладут в больницу на сохранение - рожать нужно на днях. Она предлагала взять с собой в палату ноутбук, но это только отсрочит неизбежное. Потом начнутся детские оры, колики, бессонные ночи - как сотрудница она потеряна для нас как минимум на год. Даже если мы ей оплатим няню из бюджета - первостепенной задачей для женщины все равно будет ее первенец".

- Убью Кречетова,- прорычал я,- мне что, в договоре прописать правило, что нельзя брюхатить собственных работниц?! Иди ты и развлекайся со своим отделом, а ко мне не лезь. Бухгалтерш-то он бережет. А моим не жалко пузо надувать и выводит из строя.

Константин озадачил меня еще больше: "Так он же не просто так развлекался. У них там любовь большая случилась. Игорь с женой разводится и к новой пассии уходит, будет поддерживать ее и малыша".

- Тогда он еще больший идиот, чем я думал,- презрительно бросаю это и закатываю глаза,- был нормальный остепенившийся мужик. Желтая жидкость в голову ударила. Где это видано, чтобы ради любовниц бросали законных супруг?! Напомни мне поставить под вопрос его высокую должность - этот человек, похоже, разучился принимать взвешенные и логичные решения. И компанию тоже на дно потянет.

Достали. Не престижное место получается, а какой-то дом свиданий. Других мест нет, что ли, куда отрок свой можно присунуть? Оскотинились. Конечно, здесь ближе всего - тут ты и ешь, и спишь иногда, и выходные проводишь - хочется под боком иметь девку молоденькую и игривую. Но ты хотя бы защитой польщуйся, придурок! Не превращай офис в филиал "Дома-2".

- Сердцу не прикажешь..-пролепетал подчиненный, но я смерил его настолько злобным взглядом, что тот сделал еще пару шагов к двери.

- Если и ты туда же подался - берегись...- я уже начал закипать ни на шутку,- мало я вам задач и обязанностей даю, что у вас времени на шашни хватает?! Вон, Серега третьи сутки на энергетиках живет, потому что сметы надо править. Уверен, у него сейчас никто на коленках под столом не сидит. А вы слишком фривольно живете. Скажи Паше - пусть ставят дополнительные камеры во все слепые зоны. На это не поскуплюсь. А кого застанем за сношениями - разошлем

видео по всему отделу.

Нельзя на их совесть положиться вообще. Только всякими устрашениями можно заставить ответственно работать. А если чуют, что можно схалтурить, "пока никто не видит", они этим воспользуются. И вроде бы место престижное, оклады гигантские - но все равно не могут сделать на совесть. Пора прорядить ряды.

- А с секретаршами-то что прикажете делать...- вывел меня из угрюмых мыслей Костя.

- Ну собери там всех. Проведи сначала ты отбор. Потом мне предоставь кандидаток десять. Протестирую их сам. Всё, не отвлекай меня. Настроение ни к черту.

Без выкрутасов

Через три дня Константин снова подошел ко мне. Гордый, даже плечи расправил. Что ж, будем надеяться, что он проделал качественную работу. А не как дети, которые лепят из песка куличики и тормозят родителей, пока те не подойдут и не взглянут на их "произведение искусства".

- Кирилл Владимирович, все готово. Потенциальные со-трудницы ожидают вас в холле.

Я так засмеялся, что чуть не поперхнулся кофе. Вообще-то, тогда я подразумевал, чтобы мне принесли десять портфолио. Стандартных. С фото, навыками, пройденным тестовым заданием. Но Костя превзошел сам себя - заставил бедных женщин тащиться в офис и проходить самый настоящий кастинг.

Выходим вместе. Девушки стоят как стюардессы - все на каблуках, в юбках-карандашах. Кто-то из них, я уверен, нацепил на себя очки просто для того, чтобы казаться серьезнее и профессиональнее.

- Как меня зовут? - подхожу к рыженькой и спрашиваю ее самый простой вопрос.

Она выглядит растерянной. Мнетя, краснеет. Бормочет: "Простите, я еще не выучила всех будущих коллег...Но у меня идеальная память. Если вы назовете мне свое имя, я его больше никогда не забуду".

- И эту ситуацию ты тоже будешь помнить очень долго, милая моя. Идти устраиваться в компанию такого высокого уровня и даже не удосужиться поискать, кто является ее создателем и директором? Серьезно? Вот это уровень подготовки. На выход.

Глаза девушки наполняются слезами. Только этого не хватало. Не прикладывают абсолютно никаких усилий, чтобы зацепиться за место. А все почему так происходит - сейчас люди хотят устроиться абы куда. Лишь бы взяли, а там разберутся. Я ищу тех, кто жаждет работать именно здесь - уже в курсе некоторых дел компании, мечтал пробиться именно к нам.

- Костя...- я хватаю его за локоть и отвожу в сторону,- ты как, собака такая, проводил отбор? Тоже схватил первых попавшихся с улицы и притащил сюда, паразит?

- Клянусь вам, нет! Там было больше ста кандидаток, я весь день с ними просидел без обеденного перерыва. Просто...настолько элементарные вопросы я им даже и не додумался задавать. Для меня это было так очевидно...Виноват.

Так часто бывает. Люди тренируются для каких-то сверхцелей, а прокалываются на сущей ерунде. Ладно. Идем дальше. Окидываю взглядом линию, ища для себя новую жертву для проверки. Постойте-ка..!

- Ты зачем сюда притащил этих двух бегемотих?! - я указываю на толстушек и гневно шиплю Косте в самое ухо.

- Так вы же..вы же сказали, чтобы не крутились шашни на

рабочем месте...Это же идеальные кандидатки, чтобы...

- Чтобы я выходил из кабинета, и у меня каждый раз портилось настроение. Очень приятно будет лицезреть такую шикарную картину, спасибо.

Костя начал блять что-то про то, что у них по два красных диплома и большой опыт работы. Но что мне потом, дать им приказ сидеть с пакетами на голове?! Если человек не может похудеть, то у него нет силы воли и дисциплины. Такие не смогут задерживаться на четыре и больше часов во время загруженных дней. Станут жаловаться на головную боль, на то, что некому покормить их кошку и сваливать, пока все остальные загинаются в запаре.

- Выгоняй их к чертвой бабушке, и чтоб больше я таких выкрутасов от тебя не видел,- так, продолжим искать дальше,- Короче...оставляем вот эту красоточку и вот эту в очках. На сегодня все. Уморил ты меня своими фокусами.

- Алла Евгеньевна и Виктория Михайловна, вы можете остаться. После обеденного перерыва мы свяжемся с вами для подробной инструкции,- важно проговорил подчиненный,- остальные могут быть свободны. Повезет в другой раз.

Хитрая лисичка

Кабинет дышал прохладой кондиционера и властью. Я откинулся в кожаном кресле, наблюдая, как за окном медленно садилось солнце над нефтяными вышками. Две недели с тех пор, как я нанял их. Марина — тридцатилетняя, с острым умом и безупречным знанием трех языков. И Алла.

Алла. Двадцать два года, волосы цвета шоколада, всегда собранные в строгий пучок, но одна непослушная прядь вечно выбивалась на щеку. Она носила платья — всегда скромные, ниже колена, но как-то так, что ткань облегла ее хрупкие плечи и тонкую талию, намекая на то, что скрыто. В первый день она смотрела в пол, голос ее был тихим, почти робким. Идеальная скромница. Или так мне казалось.

В тот вечер я задержался. Марина ушла ровно в шесть, как всегда, эффективно и без эмоций. Алла задержалась, чтобы допечатать контракт.

— Кирилл Владимирович, принести вам еще кофе? — Ее голос прозвучал у самого уха. Я даже не услышал, как она вошла.

Я вздрогнул, оторвавшись от отчета.
 — Что? А, нет, спасибо. Ты что еще здесь?

— Контракт. Хотела сегодня сдать. — Она поставила передо мной папку. Когда наклонялась, запах ее духов — не офисный шипр, а что-то легкое, цветочное, с ноткой минда-

ля — коснулся меня. — И подумала, что вы, наверное, голодны. Принесла сэндвич из столовой. Вам же доктор говорил про режим.

Она протянула аккуратно завернутый бутерброд. Наши пальцы едва соприкоснулись. Она быстро отдернула руку, будто обожглась.

— Спасибо, — пробормотал я, чувствуя неловкость. Супруга, Женя, последнее время только и твердила о диете и здоровье. Но это было в формате упрека. Здесь же звучала... забота.

— Можно я пока поправлю папки на полке? — она указала на шкаф за моей спиной. — Марина просила систему изменить, а то она не достает.

— Да, конечно.

Она прошла за мое кресло. Я не оборачивался, но слышал каждый шорох ее платья, легкий стук каблуков. Через мгновение я почувствовал легкое дуновение воздуха и тот же миндальный аромат. Она тянулась к верхней полке, и тень от ее руки легла на мой стол.

— Ой, простите! — она вдруг пошатнулась, и ее рука легонько коснулась моего плеча, чтобы удержать равновесие. Прикосновение было мгновенным, но обжигающим. — Каблук... неудобно.

— Ничего, — мой голос прозвучал хрипло. — Давай я.

Я встал, чтобы помочь. Мы оказались в тесном пространстве между шкафом и креслом. Она прижалась к полкам,

глядя на меня снизу вверх широкими, будто невинными, глазами. В этом свете я заметил, что серые глаза ее отливали зеленью, как море в пасмурный день.

— Вы такой... высокий, — тихо сказала она, и губы ее тронула едва уловимая улыбка. — Спасибо, я сама.

Она взяла нужную папку, ее движение заставило платье натянуться на груди. Я отвел взгляд, чувствуя, как кровь ударила в виски. Соберись, Кирилл. Она просто девочка.

— Алла, уже поздно. Иди домой.
 — Мне не на кого спешить, — она поставила папки на место, ее движения были плавными, как танец. — А у вас еще свет горит. Наверное, снова ночь здесь.

— Такова работа.
 — Жена не сердится? — спросила она, поворачиваясь ко мне. Вопрос был дерзким, но задан с такой наивной непосредственностью, что я не нашелся, что ответить.

— Жена понимает, — сухо сказал я.
 — Конечно, — она опустила глаза. — Простите, это не мое дело. Просто вы кажетесь таким... одиноким иногда. Когда сидите здесь допоздна.

Она подошла к своему столу за дверью моего кабинета, начала собирать вещи. Я сел, пытаясь сосредоточиться на цифрах, но видел только ее отражение в темном окне. Она накидывала пиджак, движения замедленные, будто нехотя.

Через минуту она снова появилась в дверях, с сумкой в руках.
 — Кирилл Владимирович, я завтра могу прийти

пораньше, чтобы подготовить все к совещанию. Чтобы вы не задерживались.

— Не стоит. У тебя есть нормированный рабочий день. За прохождение стажировки и испытательный срок можешь не переживать - ты уже справились со всем на "отлично".
— Я хочу, — она сказала это так просто, так искренне, что у меня сжалось сердце. — Вы дали мне шанс, я хочу быть полезной. По-настоящему.

Она стояла, ожидая ответа, и свет от настольной лампы выхватывал ее фигуру в полумраке кабинета. Скромное черное платье вдруг показалось мне самым опасным оружием в мире.

— Как знаешь, — наконец выдавил я.
Ее лицо озарила улыбка — теплая, почти счастливая.
— Спокойной ночи, Кирилл Владимирович.
— Спокойной ночи, Алла.

Она вышла, тихо прикрыв дверь. Я остался один в тишине кабинета, но воздух все еще был напоен запахом миндаля и легкой, едва уловимой пудры. Я взял сэндвич, который она принесла. Он был еще теплым.

И тогда я понял, что никакой это не был сэндвич из столовой. Он был завернут в бумагу дорогого ресторана неподалеку. Того самого, куда я водил важных клиентов.

Она солгала. Или просто проявила заботу, купив что-то получше. Я откусил кусок, чувствуя вкус дорогой ветчины и трюфельного соуса. И почувствовал вкус опасности, сладкой

и вязкой, как нефть. Она подобралась близко. Очень близко. И я, похоже, даже не пытался отстраниться.

За окном зажглись огни вышек, мерцающие красные точки в сгущающейся темноте. Как предупредительные сигналы. Я их проигнорировал.

Осада шефа

На следующее утро я пришел рано, надеясь избежать встречи. Но свет в приемной уже горел. За дверью слышался тихий шелест бумаг и щелчок электрического чайника.

— Доброе утро, Кирилл Владимирович.

Она стояла у окна с кружкой в руках, залитая холодным утренним светом. Сегодня на ней была блузка из мягкого серого кашемира и юбка-карандаш. Просто. Строго. Но кашемир обрисовывал линию груди, а юбка подчеркивала бедра с такой обманчивой естественностью, что я сразу отвел взгляд.

— Доброе. Ты же сказала, придеешь пораньше, не к семи же утра?
 — В половине седьмого, — она улыбнулась, словно это было самое нормальное дело. — Хотела все проверить и разложить. И чай заварить. Вы ведь предпочитаете пуэр в первой половине дня, а не кофе. Вчера заметила, что вы кофе не допили.

Я замер у двери своего кабинета. Она заметила. Заметила такую мелочь.
 — Я разогрела круассан, — она указала на небольшую тарелку на краю моего стола, уже застеленного свежими папками. — Без масла, как вы любите. У Марины я спросила про ваши предпочтения.

Хитро. Ссылка на Марину делала ее заботу не личной, а профессиональной. Но почему-то я был уверен, что Марине она ничего не спрашивала.

— Спасибо, — пробормотал я и скрылся в кабинете.

Круассан был идеальной температуры. Чай пахнул дымком и землей. Рабочий день начался с тихой, почти незаметной осады.

Совещание было назначено на десять. В девять сорок пять она вошла без стука, что уже было против правил, неся стопку свежих договоров.

— Простите, что без предупреждения. Принтер в коридоре заглохнул, пришлось печатать у вас. — Она направилась к принтеру в углу моего кабинета.

Я кивнул, уткнувшись в экран. Краем глаза наблюдал, как она наклонилась, чтобы забрать листы. Кашемировая блузка провисла, открывая на секунду ключицу и тень между грудами. Она поправила прядь волос и обернулась, поймав мой взгляд. Я резко перевел глаза на монитор, чувствуя, как горит лицо.

— Кирилл Владимирович, у вас тут пятно на галстукке, — ее голос прозвучал совсем рядом.

Она подошла к столу и, не дожидаясь разрешения, легким движением коснулась шелка у моего горла. Ее пальцы были прохладными.

— Кажется, от чая. Дайте, я...

— Я сам, — я отстранился, но она уже взяла салфетку, смоченную водой из моей же стакана.

— Не шевелитесь, секундочка.

Она стояла так близко, что я чувствовал тепло ее тела.

Дышал ее запахом — сегодня это были свежее белье и что-то молочное, детское. Она сосредоточенно, с нахмуренными бровками, терла едва заметное пятнышко. Ее дыхание касалось моего подбородка.

— Вот, почти не осталось, — она отступила на шаг, критически осматривая свою работу. Потом подняла на меня глаза. — Простите за фамильярность. Просто неудобно, когда начальник с пятном на важном совещании.

Она улыбнулась, и в этой улыбке была такая смесь невинности и лукавства, что у меня перехватило дыхание. Она знала. Боже, она точно знала, что делает.

— Все в порядке. Иди готовь конференц-зал. — Уже готов, — она повернулась к двери, потом остановилась. — Ой, забыла сказать. Ваша жена звонила на основной номер. Я ответила. Представилась вашим новым помощником. Она просила напомнить вам про ужин сегодня. С родителями. В семь.

Она произнесла это ровным, деловым тоном, но в словах «ваша жена» прозвучала тончайшая, лезвийная нотка чего-то... не то чтобы пренебрежения, а легкого, сочувствующего снисхождения. *Ах да, твоя жена. Твоя обязанность.*

— Хорошо, — сказал я, и голос мой прозвучал отчужденно даже для меня самого.

Совещание прошло в тумане. Я ловил себя на том, что ищу ее взгляд. Она сидела чуть позади меня, ведя протокол на своем ноутбуке. Когда я заговорил резко с главным геоло-

гом, почувствовал, как ее рука коснулась моей спины, будто случайно, протягивая мне стакан воды. Успокаивающе. Поддерживая. Никто не видел. Только я ощутил это прикосновение сквозь ткань пиджака — легкое, быстрое, но намеренное.

После совещания я задержался в опустевшем конференц-зале, разглядывая карту месторождений. Дверь приоткрылась.

— Можно войти? — она просунула голову в щель. — Вы просили данные по скважине №42.

— Да, давай.

Она подошла, положила передо мной файл. Потом неожиданно села в кресло рядом — не напротив, как подчиненная, а рядом, как соратник. Так близко, что ее колено почти касалось моего под белоснежной скатертью стола.

— Кирилл Владимирович, можно вопрос не по делу?
— Я слушаю.
— Вы сегодня весь день такой... напряженный. Еще с утра. Это из-за предстоящего ужина? — Она смотрела на меня с открытым, участливым выражением.

— Что? Нет, какая разница.
— Просто вы так скривились, когда я напомнила. — Она опустила глаза, начала ровнять края бумаг. — У меня родители тоже всегда... давящие. Вечно чего-то ждут. Я сбежала в этот город, чтобы отдохнуть от их ожиданий.

Она поделилась чем-то личным. Создала иллюзию близости, общего опыта. Искусный ход.

— Ты слишком много позволяешь себе, Алла, — сказал я, но без былой твердости. Просто констатация факта.

Она сразу прикусила нижнюю губу, глаза наполнились мгновенной, блестящей влагой. Не слезами, а их опасным блеском. — Простите. Вы правы. Я просто... вижу, как вы устаете. И мне хочется помочь. Не только как секретарше. — Она встала. — Больше не буду.

Она сделала шаг к двери, потом обернулась. И произнесла тихо, так тихо, что я едва расслышал: — Просто кажется несправедливым, что такой человек, как вы, должен делать что-то через силу. Даже ужинать.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой. Я сидел, глядя на карту, но видел только ее лицо с дрожащей губой. Игра? Безупречная игра. Или искренность? Это было еще опаснее.

Вечером, собираясь на тот самый ужин, я надел пиджак и почувствовал едва уловимый запах — ее парфюм, тот самый, миндальный, смешался с запахом моего одеколона. Он впитался в ткань у плеча, там, где она поправляла мой галстук. Я постоял секунду, вдыхая этот странный, двойной аромат. Потом резко дернул плечами, будто стряхивая невидимые оковы, и вышел.

Но в лифте, спускаясь в подземный гараж, я поймал себя на мысли, что впервые за много лет еду на семейный ужин с ощущением, что оставляю что-то важное здесь, в офисе. Не работу. Не отчеты. А тихий свет в приемной в семь утра и взгляд серо-зеленых глаз, полющий ложной скромности и

настоящего, хищного понимания.

Только для читателей старше 16 лет. Приглашаю в нашу мобную книгу "Беременна в 45. Дорога к счастью"

Я хотела порадовать мужа своей беременностью, но узнала, что у него другая. И не просто другая, а родственница моей лучшей подруги! И теперь я должна сделать все, чтобы муж не узнал о моем секрете. Но меня ждет еще один удар...

<https://litnet.com/shrt/k5Ci>

Две женщины моей жизни

Ресторан «Старая пристань» дышал дорогой скукой. Персидские ковры заглушали шаги, хрустальные люстры отражались в полированных стенах из темного дерева. За столиком у окна, с видом на ночную реку, уже сидели они.

Моя жена, Женя, в строгом голубом платье от Carolina Herrera, которое подчеркивало ее безупречную фигуру, выточенную тремя занятиями пилатесом в неделю. Ее мать, Галина Сергеевна, с неизменной жемчужной ниткой и оценивающим взглядом. И отец, Юрий Михайлович, бывший министерский чиновник, чье присутствие всегда ощущалось как тихий административный ресурс.

— Кирилл, опоздал на семнадцать минут, — встретила меня Женя, предлагая щеку для поцелуя. Ее духи — «Жад» от Gucci — ударили в нос тяжелым, удушающим облаком. Дорого. Безвкусно. Привычно. — Мама начала волноваться.

— Задержался на работе, пробки, — пробормотал я, пожимая руку тестю и целуя холодную, надушенную щеку тещи.

— Работа — это хорошо, — бархатным баритоном произнес Юрий Михайлович, откладывая меню. — Но семья — это оплот. Особенно когда в стране, как говорят, снова ветра перемен дуют. Надежные тылы важны, Кирилл.

— Пап, не начинай про политику, — Женя сделала вид,

что вздыхает, но было видно, что она любит, когда отец читает мне эти прописные истины. Это напоминало мне о моем месте. Сын провинциального инженера, добившийся всего сам, но навсегда «выйти в люди» не сумевший в их глазах.

Официант, подобострастно молчаливый, принял заказ. Я заказал стейк, хотя не хотел есть. Вспомнил теплый круассан утром. И чашку пуэра, согревающую ладони. Женя отошла в дамскую комнату.

— Как твои новые... что там у тебя... помощницы? — спросила Галина Сергеевна, отодвигая салат, будто в нем таилась угроза калорий. Она смотрела на меня через бокал сангрия, и ее взгляд был похож на рентген.

— Секретари. Нормально. Одна — очень квалифицированная. Другая... молодая, учится.
— Молодая? — теща подняла бровь. Ее интерес стал острым, игольчатым. — А какая молодая?
— Лет двадцати двух. Скромная девочка. Из региона. — Я слышал фальшь в своем голосе и поспешно сделал глоток вина.
— Скромная, — повторила теща, и в ее голосе зазвучала знакомая, ядовитая нотка. — Ну, да. Они все скромные, пока... Ну, ты понимаешь, Кирилл. Ты же мужчина опытный. Супруга твоя должна быть начеку. Чаше в офисе появляться.

— Кириллу не до этого,-неожиданно вступился за меня тещин сын,- И так голова забита этими скважинами, ценами на нефть... Ему не до девочек.

Его слова должны были звучать как доверие. Но прозвучали

чали как приговор. «*Не до девочек*». Как будто я был уже настолько стар, настолько погружен в свою рутину, что стал безопасен. Не мужчина, а функция. Муж. Добытчик. Статист на их безупречно выстроенной сцене жизни.

Воспоминание ударило неожиданно и ярко: пальцы Аллы на моем галстуке, легкие, уверенные. Ее взгляд снизу вверх. «*Вы такой... высокий*». В ее устах это прозвучало как восхищение. Здесь, сейчас, я чувствовал себя карликом.

— Спасибо,- я решил не докапываться до формулировок и поблагодарить тестя за его мужскую солидарность,- я и очень надеюсь, что вы не станете по пустякам расстраивать мою супругу и впредь поднимать эту глупую тему. Ни сейчас за столом, ни после. Это ни к чему, только головную боль всем доставит.

— О чем шепчетесь? - Женя вернулась и захотела поддержать разговор. Ей было любопытно, что это мы так бурно обсуждаем.

— Кстати, о ценах, — подхватил Юрий Михайлович, разворачиваясь ко мне всей грудью, как на парткоме. — У меня есть информация, что в министерстве могут пересмотреть...

Я кивал, делая вид, что слушаю, а сам ловил себя на том, что нюхаю лацкан пиджака. Тот самый, миндальный шлейф смешался с дымом сигар тестя и духами жены, но он был. Как призрак. Как намек на другую реальность.

Женя говорила о планируемой поездке в Милан, о новой

коллекции, о том, что нужно обновить летнюю веранду на даче. Ее слова текли, как медленная, густая лава, застывая в виде обязательств, планов, «надо». Я смотрел на ее красивое, ухоженное лицо, на безупречный маникюр, лежавший на белой скатерти рядом с моей рукой. И думал о другой руке — с тонкими, неокрашенными ногтями, поправлявшей папки на полке. О незаметной, но живой дрожи в ней.

— Кирилл, ты меня слушаешь? — голос Жени пронзил мои мысли.
 — Конечно. Милан. Веранда. — Я постарался улыбнуться.
 — Ты сегодня какой-то отрешенный. Устал.

Ужин тянулся мучительно долго. Стейк оказался пережаренным и безвкусным. Вино слишком терпким. Каждое их слово, каждый взгляд будто подчеркивали ту совершенную, выхоленную пустоту, в которую превратилась моя жизнь. Успех, статус, красивая жена, связи. Золоченая, наглухо запертая клетка. И ключ от этой клетки лежал где-то там, в моем кабинете, в виде девушки с серо-зелеными глазами, которая с первого дня, кажется, увидела меня в этой клетке. И которая теперь тихо, настойчиво стучала пальцами по ее прутьям.

В машине, пока я вел «Мерседес» по ночному городу, Женя сказала, глядя в окно:
 — Завтра заеду к тебе в офис. Привезу те тот контракт от ювелиров. И... посмотрю на твою новую команду. Надо же с людьми познакомиться. Мама сказала, что у тебя там какие-то существенные изме-

нения в штате.

В ее голосе звучало обычное, деловое решение. Но для меня это прозвучало как объявление визита инспектора. Или проверки границ. Мое сердце странно и глупо сжалось — не от страха, а от внезапного, дикого чувства протеста. Это был *мой кабинет. Мое пространство*. И туда, в тот воздух, где еще витал миндальный запах ее духов, сейчас безраздельно ворвется тяжелый аромат «Жада».

— Не стоит, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — У нас там завал. И вообще, ты не любишь эту атмосферу.
— Ничего, потерплю, — она положила руку мне на колено. Жест привычный, владеющий. — Я твоя жена. Мне положено интересоваться твоей жизнью.

В этот момент я понял всю гениальность, всю хищную точность утренней сцены с галстуком. Алла не просто соблазняла. Она ставила метку. Закладывала мину. Она знала — возможно, по какому-то животному, женскому инстинкту, — что в этой семье, в этом браке, существуют свои ритуалы контроля. И ее тонкое, почти невидимое вторжение в мое личное пространство не останется незамеченным. Она *хотела*, чтобы это заметили. Чтобы сравнили.

Мы молча доехали до дома. До нашей просторной, тихой квартиры с видом на парк, которая всегда казалась мне больше постановочной декорацией, чем домом.

Пока Женя долго снимала макияж в ванной, я стоял в темноте на балконе, курил и смотрел на огни города. Где-то там,

в одном из невзрачных арендованных квартир в спальном районе, она, наверное, уже спала. Или нет. Может, смотрела в потолок и улыбалась, вспоминая сегодняшний день. Зная, что ее тень уже легла между мной и моей женой. Что ее запах остался на моем пиджаке как невысказанное обвинение.

— Планы поменялись,- сама того не осознавая, обрадовала меня супруга,- девочки сказали, что с поставщиками проблемы. Завтра буду сама в запаре по самые уши. Заскочу как-нибудь в другой раз.

Но она не заглянула. Ни через неделю, ни через месяц. Закружилась, а потом забыла. И я не идиот, чтобы напоминать.

Только для читателей старше 16 лет. Новинка моба "Беременна от предателя. Я (не) прощу!"

Еще месяц назад мы радовались моей беременности, а сегодня муж говорит, что живет словно чужую жизнь, что устал. -Я больше не люблю тебя! – произносит холодно. -А как же наш малыш? Я не справлюсь без тебя. -Я его заберу!

<https://litnet.com/shrt/Kejv>

Свершилось

Офис тонул в янтарных сумерках. Последний луч солнца пробивался сквозь жалюзи, разрезая полумрак моей кабинеты золотыми полосами. Я откинулся в кресле, растирая переносицу. Отчеты, цифры, бесконечные звонки — все сплелось в один тяжелый клубок усталости.

Тихий стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

— Войдите.

Дверь открылась беззвучно, и в щели света из коридора возникла ее силуэт. Алла. Моя новая секретарша. Три месяца. Всего три месяца, а ощущение, что она здесь всегда.

— Кирилл Владимирович, документы по сделке "Нева". Вы сказали, что они срочные. — Ее голос был тихим, мелодичным, точно струя воды в этой тишине.

— Да, Алла, спасибо. Кладите на стол.

Она вошла, и дверь мягко закрылась. Ступала бесшумно, в своих неизменных лодочках на каблуке. Сначала она была скромной тенью — строгий хвост, минимальный макияж, темные костюмы. Но постепенно тень обрела объем, краски, аромат.

Алла положила папку передо мной. Не уходила. Я почувствовал ее взгляд на себе, тяжелый и теплый.

— Еще что-то? — спросил я, не поднимая глаз от стола.

— Вы выглядите уставшим. — Ее фраза повисла в возду-

хе, нарушая все неписанные правила. Ни одна из моих прежних секретарш не позволила бы себе такого.

Я поднял голову. Она стояла, облокотившись на спинку кресла для гостей, и смотрела на меня с таким выражением... не с сочувствием подчиненного. С участием. Женским участием.

— Работа, — буркнул я. — Ничего не поделаешь.

— Кофе? Я заварю свежий, не из автомата.

— Не стоит. Уже поздно. Тебе тоже пора домой.

— Мне некуда спешить, — она сказала это так просто, что сердце странно сжалось. — А у вас? Вы ведь, наверное, ужинаете с семьей.

Вопрос был невинным. Но он обжег, как капля кипятка. Семья. Женя. Домашний ужин, который я уже второй раз за эту неделю пропускал. Чувство вины, знакомое и приевшееся, подкатило к горлу.

— Сегодня у меня свободный вечер, — соврал я. Жена уехала к матери с дочкой.

— О, — произнесла она, и в этом слогe был целый мир смыслов. — Тогда, может, все-такий кофе? Я останусь, доделаю архивацию. Чтобы вы завтра с утра могли начать с чистого листа.

Она уже не спрашивала. Она предлагала. Тихо, но уверенно. И я, начальник, человек, привыкший отдавать приказы, просто кивнул.

Алла исчезла в нише с кофейной станцией, и вскоре по ка-

бинету поплыл густой, горьковатый аромат свежесмолотых зерен. Не растворимой ерунды, а настоящего кофе. Она запомнила.

Я закрыл глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Но вместо цифр видел ее руки — удивительно изящные, с коротко подстриженными ногтями без лака, когда она листала документы. Видел, как сегодня утром она наклонилась над принтером, и шелковая блузка оттянулась, открыв на мгновение линию ключицы, белую и хрупкую. Сдержанная, профессиональная, но... Словно под строгим костюмом таилось что-то иное, теплое и живое.

— Ваш кофе, Кирилл Владимирович.

Я открыл глаза. Она стояла рядом, слишком близко. Держала чашку с блюдцем. Я потянулся за чашкой, и наши пальцы соприкоснулись. Ее кожа была прохладной и гладкой. Она не отдернула руку. Я тоже.

— Спасибо, — мой голос прозвучал хрипло.

— Всегда пожалуйста.

Она отошла к окну, глядя на зажигающиеся в городе огни. Силуэт ее на фоне темнеющего неба был совершенным.

— Красиво, — сказала она задумчиво. — Город живет своей жизнью. Интересно, о чем думают все эти люди в этот самый момент?

— О работе, долгах, проблемах, — пробормотал я, делая глоток кофе. Он был идеальным.

— Неправда. Кто-то думает о любви. Кто-то ждет свидания.

ния. Кто-то просто счастлив, что день закончился, и он может идти домой к тому, кто ему дорог.

Она обернулась. Ее лицо было в тени, но глаза светились отражением городских огней.

— Вы счастливы, Кирилл Владимирович?

Вопрос был ударом ниже пояса. Прямым, наглым, интимным. Я должен был оборвать ее. Сказать, что это неуместно. Сказать, чтобы она вышла. Но язык не поворачивался.

— Счастье — понятие растяжимое, — уклончиво ответил я.

— Оно простое, — она сделала шаг ко мне. Потом еще один. Расстояние между нами сократилось до полуметра. Я чувствовал ее легкий, едва уловимый аромат — не духи, а что-то свежее, как дождь на траве. — Оно в моментах. Вот как этот. Тишина. Кофе. Прекрасный вид. И... понимание.

— Какое понимание? — спросил я, и мое сердце начало биться с бешеной силой, заглушая голос разума.

— Что ты не один. Что кто-то тебя видит. Не начальника. Не добытчика. А просто мужчину. Уставшего. Красивого в своей усталости. Сильного, но позволяющего себе минуту слабости.

Она произнесла это шепотом. И в этом шепоте не было лести. Была убежденность. Искренность, которая разбила последние защиты.

— Алла... — я начал, но она мягко перебила.

— Кирилл. Позвольте мне сегодня быть просто Аллой. А

вам — просто Кириллом. Хотя бы на пять минут.

Она протянула руку и... поправила складку на моем галстуке. Ее пальцы коснулись шеи, и по телу пробежала волна жара. Я замер. Ее лицо было так близко. Я видел легкие веснушки на переносице, темные зрачки, в которых тонул.

Раздался резкий звук — с грохотом упала ручка со стола. Мы оба вздрогнули, и это движение сблизило нас еще больше. Она не отступила. Ее дыхание смешалось с моим.

— Я не должен... — прошептал я отчаянно, уже не зная, убеждаю ли я ее или себя.

— Никто не должен, — ответила она, и ее губы тронула едва заметная, печальная улыбка. — Но все хотят.

И тогда что-то во мне сломалось. Огромная дамба сдержанности, ответственности, долга, которую я годами возводил вокруг себя, рухнула под натиском одного ее взгляда, одного прикосновения.

Я не помню, как моя рука оказалась у нее на талии. Как я притянул ее к себе. Она не сопротивлялась, лишь тихо ахнула, и этот звук, полный неожиданной невинности, свел меня с ума.

Я поцеловал ее. И мир сузился до темноты ее волос в моих пальцах, до вкуса кофе и чего-то сладкого на ее губах, до головокружительного, запретного чувства падения без конца.

Это был не порыв страсти. Это было капитуляция. Сдача на милость победителя, который даже не сражался — он просто ждал, терпеливо и неотступно, пока крепость сама не

откроет ворота.

И когда мы наконец разомкнули губы, я, глядя в ее сияющие глаза, понял одну страшную и прекрасную вещь: это только начало. И я уже не хочу, чтобы оно заканчивалось. Я утонул в ней. И утонул добровольно.

Новая ммобная книга. Только для читателей старше 16 лет! "Беременна в 45. Бракованная жена"

– Мне не нужна бракованная жена.
 – А что со мной не так?
 – Ты бесплодная.
 – Бесплодная? Я Ясю тебе родила.
 – Это было десять лет назад. И Яся не считается. Девка.
 – Не считается?..
 – Девочка каждая дурно рождает. Мне нужен наследник. Мой характер. Моя кровь. Мой ребенок.
 – А Яся тогда кто?
 – Ошибка.

<https://litnet.com/shrt/Fjhy>

Свободен выбирать

Поцелуй длился вечность и мгновение одновременно. Когда наши губы наконец разомкнулись, в кабинете повисла звенящая тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием. Я все еще держал ее за талию, ощущая под пальцами тонкую шерсть ее костюма и тепло тела сквозь ткань. Мой разум, тот самый, что обычно анализировал риски и просчитывал шаги на десять вперед, был пуст и оглушен.

Алла первой нарушила молчание. Она не отпрянула, не стала что-то оправдывать. Ее пальцы мягко коснулись моей щеки, потом провели по линии подбородка — жест удивительно нежный и владеющий одновременно.

— Кирилл... — прошептала она, и мое имя в ее устах звучало как заклинание, как что-то драгоценное и украденное.

Я отступил на шаг, отпустив ее. Руки дрожали. Я прошелся по кабинету, остановился у того же окна, куда она смотрела минуту назад. В городе теперь горели все огни, холодные и далекие.

— Это... неправильно, — прозвучало глухо. Но в голосе не было силы, только слабость констатации факта.

Я услышал ее шаги. Она подошла сзади, но не касалась меня. Ее отражение появилось в темном стекле рядом с моим — призрачное, размытое.

— Что такое правильно? — ее голос был спокоен. — Ра-

ботать до ночи, забыв, что ты живешь? Игнорировать то, от чего закипает кровь? Это правильно?

— У меня есть семья, — сказал я, и это прозвучало как мантра, как последний щит.

— Я знаю. — В ее голосе не было ни злорадства, ни вызова. Была... печаль? — И я не прошу тебя ее бросить. Я не прошу никаких обещаний. Есть только этот момент. Этот вечер. Ты устал быть правильным. Позволь себе быть просто человеком. Всего на одну ночь.

Она обошла меня и снова встала напротив. Ее лицо было серьезным, глаза ловили мой взгляд, не позволяя уклониться.

— Я не легкомысленная девочка, Кирилл. Я знаю цену всему. И я видела тебя три месяца. Видела, как ты гасишь в себе все живое ради долга. Это восхитительно. И... невыносимо жалко.

Ее слова били точно в цель. Они называли ту пустоту, которую я сам боялся признать. Усталость не от работы, а от роли. От бесконечного соответствия ожиданиям.

Мой телефон на столе завибрировал, замигал синим светом — Женя. Я замер, глядя на него, как кролик на удава. Звонок прервался. Потом сразу пришло сообщение: "Все хорошо? Когда вернешься?"

Сжигающее чувство вины смешалось с внезапным, диким бунтом. Почему я должен отчитываться? Почему я не могу быть просто здесь и сейчас?

Алла наблюдала за этой немой сценой. Она не сказала ни слова. Она просто ждала. И в этой ее тихой, уверенной позе была вся сила. Она предлагала выбор, не давя, но делая отказ невозможным.

— Что ты предлагаешь? — спросил я хрипло, капитулируя окончательно.

— Ничего грандиозного. Уйти отсюда. Сменить декорации. Выпить вина. Говорить. Или молчать. Быть не начальником и секретаршей, а просто мужчиной и женщиной. У которых есть сегодня вечер.

Она взяла свою чашку с моего стола, сделала глоток остывшего кофе — дерзкий, интимный жест. Потом поставила ее обратно, точно на круглый след от влаги.

— Я могу собрать вещи и выйти первой. Через пятнадцать минут. А ты решишь. Если выйдешь — я буду ждать внизу, у фонтана. Если нет... — она пожала плечами, и в этом жесте была вся ее хитрая игра: видимость выбора, иллюзия контроля, который она мне оставляла. — Завтра все будет как обычно. Ты не обязан. Ты свободен в своем выборе.

Она повернулась и пошла к двери. Ее каблуки отстукивали тихий, четкий ритм по паркету. Рука легла на ручку.

— Алла, — остановил я ее.

Она обернулась, бровь слегка приподнята в вопросе.

— Почему? — спросил я. — Зачем тебе все это?

Она улыбнулась — впервые за весь вечер настоящей, легкой, почти девичьей улыбкой, которая на мгновение стерла

с ее лица все слои расчетливости.

— Потому что три месяца назад, на собеседовании, ты сказал мне, что ценишь в людях "непредсказуемую искренность". Мне стало интересно, ценишь ли ты ее на самом деле. Или это просто красивые слова для HR.

И она вышла, бесшумно закрыв дверь.

Я остался один в опустевшем кабинете. В тишине, где все еще витал ее запах и висело эхо нашего поцелуя. Я посмотрел на телефон. На сообщение от Жени. На чашку с отпечатком ее губной помады на блюде, которую она так дерзко поставила на мой стол.

Пятнадцать минут.
Я сел в кресло, закрыл лицо ладонями. Билось сердце, стуча в висках набатом. Во мне боролись два человека: ответственный Кирилл, муж и отец, и тот, другой, которого я давно в себе похоронил, — жаждущий, эгоистичный, живой.

Я подошел к окну в последний раз. Где-то там, внизу, у освещенного фонтана, она ждала. Или не ждала. Риск. Падение. Непредсказуемая искренность.

Я взял пиджак. Потом остановился, снял обручальное кольцо. Положил его в верхний ящик стола. Звук, с которым оно упало на дерево, был тихим, но оглушительным в моей душе.

Когда я вышел в пустой коридор и нажал кнопку лифта, я уже не был начальником Кириллом. Я был просто человеком, сделавшим выбор. И шагнувшим в темноту, которая

вдруг заманивала всеми огнями мира. Лифт поехал вниз. Вниз, к ней. И к тому, что я уже не мог, да и не хотел остановить.

Плотину прорвало

Дверь лифта с мягким шипением закрылась за мной, отсекая кабинет, отчеты, всю мою старую жизнь. Спуск казался бесконечным, в зеркальных стенах мое отражение смотрело на меня чужими, горящими глазами. Я не думал. Я просто горел изнутри.

Просторный вестибюль офисного центра в это время был пустынен и призрачно освещен дежурными бра. Шуршание моих шагов по полированному граниту эхом отдавалось под высокими сводами. Охранник за стойкой кивнул мне, привычный жест "до завтра, шеф". Я едва ответил.

И вот я толкнул тяжелую стеклянную дверь. Вечерний воздух, уже прохладный, обжег лицо. Шум города влился в уши — далекий гул машин, чьи-то смехотдалеке. И прямо передо мной, в центре небольшой площади, бил фонтан. Подсветка снизу окрашивала струи в сиренево-голубые тона.

Она стояла там, спиной ко мне, глядя на воду. Сняла пиджак, накинула его на руку. Ее фигура в светлой блузке и темной юбке, освещенная мерцающим светом фонтана, казалась чем-то нереальным, сценографией из чужого сна.

Я сделал шаг. И еще один. Гранит под ногами сменился шершавой плиткой площади.

Она обернулась. Не сразу, будто почувствовала мой взгляд. На ее лице не было торжества, не было хитрой

улыбки победительницы. Было... ожидание. И легкая, почти неуловимая тревога. Этот оттенок неуверенности сделал ее вдруг человеческой, настоящей. Не расчетливой соблазнительницей, а просто женщиной, рискнувшей на авантюру.

Мы молча смотрели друг на друга через несколько метров, разделявшие нас. Шум фонтана заполнял паузу.

— Я не была уверена, что ты придешь, — наконец сказала она. Ее голос прозвучал тише, чем в кабинете, и в нем дрогнула какая-то струна.

— Я и сам не был уверен, — ответил я честно, подходя ближе. Теперь я видел, как под неверным светом играют блики в ее глазах. — Что дальше, Алла? Куда ведет эта твоя "непредсказуемая искренность"?

Она не ответила прямо. Вместо этого она протянула руку, ладонью вверх. Приглашающий, открытый жест.

— Дальше — шаг за шагом. Сначала — уйти отсюда. Вон там, за углом, есть тихое место. Не пафосный ресторан. Просто... место.

Я вложил свою руку в ее. Ее пальцы сомкнулись вокруг моих, прохладные и уверенные. И в этот момент последние остатки сомнений испарились. Это было уже не обоюдное решение. Это была ее воля, и я позволял ей вести себя.

Мы пошли. Не по центральной улице, а по узкому переулку между высотками, где царили тень и тишина. Она шла чуть впереди, не отпуская моей руки. Я смотрел на ее профиль, на линию шеи, на то, как ветерок шевелит непослуш-

ные пряди волос, выбившиеся из строгой прически. Она сбросила туфли еще у фонтана? Нет, просто шла так легко, будто и не было этих каблуков.

— Ты знала, — сказал я, не выдержав тишины. — Ты знала с самого начала, что все так закончится сегодня.

Она на мгновение задумалась.
— Я знала, что *может*. Я создавала возможности. Но решение всегда было за тобой, Кирилл. Всегда. Я лишь... поднесла спичку к сухому дереву. Ты горел изнутри уже очень давно.

"Маленькое тихое место" оказалось крошечным арт-кафе в полуподвале старого особняка. Три столика, приглушенный свет свечей в банках, на стенах — абстрактные картины местного художника. Хозяин, бородатый мужчина в свитере, просто кивнул Алле, словно она была здесь своей.

Мы сели в дальнем углу, у самой стены. Колени почти соприкасались под маленьким столиком. Она заказала красное вино, даже не смотря в меню. Я просто согласился.

— Как ты нашла это место? — спросил я, оглядываясь.
— Иногда нужно прятаться от мира. От самой себя, в том числе, — она улыбнулась, и в этой улыбке была тень грусти, которую я раньше не замечал. — Здесь никто не задает вопросов. Здесь можно быть кем угодно. Или никем.

Вино принесли. Мы чокнулись. Бокалы звенели тихо, поговорчивски.
— За непредсказуемость? — я спросил, поднимая бокал.
— За смелость ей следовать, — поправила она.

Первый глоток разлился по телу теплом, смывая последние остатки оцепенения. И начался разговор. Не тот, что ведут начальник и подчиненная. Не тот, что ведут любовники в первом пылу страсти. Это был странный, сбивчивый, глуповатый разговор двух людей, которые внезапно обнаружили, что могут говорить о чем угодно.

Она рассказывала о своем детстве в маленьком городке, о любви к старым книгам, о том, как приехала в большой город с одной сумкой и безумной уверенностью, что все получится. Я рассказывал... я рассказывал то, о чем давно не говорил ни с кем. О том, как в двадцать пять лет мечтал не о карьере, а о том, чтобы объехать весь мир на мотоцикле. О том, как боялся отцовства. О тихом отчаянии, которое иногда накатывает среди ночи, когда лежишь рядом с любимым человеком и чувствуешь себя абсолютно одиноким.

Она не перебивала. Не давала советов. Она слушала. Впитывала. И своим вниманием, своими точными, редкими вопросами вытаскивала из меня давно похороненные мысли и чувства. Я говорил, как прорвавшая плотина. И с каждым словом чувствовал, как та стена, что отделяла "его", настоящего, от того, кем я был каждый день, рассыпалась в прах.

Бутылка вина опустела. Свечи догорали. В кафе уже не было других посетителей.
 — Знаешь, что самое страшное? — прошептал я, глядя на пламя свечи, отражавшееся в ее темных глазах. — Что я не чувствую вины. Не сейчас. Я чувствую... облегчение. Будто я задыхался и наконец сде-

лал первый глоток воздуха. Это делает меня ужасным человеком?

Она положила свою руку поверх моей на столе. Ее прикосновение было утверждением.
— Это делает тебя живым, Кирилл. Просто живым. А живым людям свойственно искать воздух. Даже если для этого нужно разбить окно.

Мы вышли на улицу глубокой ночью. Город спал. Я не спросил, куда мы идем. Я просто шел рядом, и мир вокруг казался иным — более резким, более насыщенным, более настоящим. Мы молчали. Все уже было сказано.

Она остановилась перед неприметной дверью в старом, отреставрированном доме. Достала ключ.
— Мое убежище, — просто сказала она. — Никаких обязательств. Ты можешь развернуться и уйти. Это будет просто еще один выбор.

Я посмотрел на ее лицо, освещенное тусклым светом фонаря. На ту самую прядь волос, которая все никак не хотела оставаться на месте. На губы, что чуть тронула улыбка — не соблазняющая, а какая-то... обнаженная. Уязвимая.

Я не развернулся. Я шагнул за ней внутрь.
Дверь закрылась, отсекая ночной город. В маленькой прихожей пахло кофе, книгами и ее духами — тем самым свежим, дождливым запахом.

И тогда, в тишине ее квартиры, когда отступили слова, наступило время чувств. Все было иначе, чем в порыве в кабинете. Медленнее. Осознаннее. Каждое прикосновение бы-

ло вопросом и ответом одновременно. Когда я снимал с нее эту строгую блузку, обнажая хрупкие плечи, она не опускала глаз. Она смотрела на меня, и в ее взгляде было не торжество охотницы, а что-то вроде изумления. Будто и она не до конца верила, что мы здесь.

Это была не просто физическая близость. Это было падение в другую реальность. Где время текло иначе. Где не было прошлого и будущего, только настоящее — жаркое, пульсирующее, абсолютно грешное и абсолютно чистое в своей животной искренности. В ее объятиях я терял и находил себя одновременно. И когда наконец наступила тишина, и я лежал, глядя в темноту на потолок, который был не моим потолком, я понял одну простую и ужасную вещь.

Это уже не флирт. Это не интрижка. Это что-то гораздо большее. И точка возврата, та самая, у фонтана, осталась далеко позади. Я пересек ее, даже не заметив.

Она спала, прижавшись ко мне, ее дыхание было ровным и тихим. А я лежал без сна, и в голове, очищенной страстью и вином, с ужасной ясностью звучала одна-единственная мысль: "Поздно. Все. Ты уже влюблен".

И где-то на окраине сознания, словно далекий радиосигнал из другой жизни, мерцало осознание: завтра будет день. Будут звонки, встречи, Женя, дом, дочь. Будут взгляды Аллы через стол на совещании. И эта новая, разрывающая изнутри реальность, с которой теперь придется жить. Но это было завтра. А сейчас была только эта ночь, эта темнота и

это сладкое, горькое, всепоглощающее чувство полного падения.

Только для читателей старше 16 лет! Наша мобная книга "Беременна в 45. Развод под елку"

На Новый год муж подарил мне новость о разводе. Андрей нашел другую, потому что я «стара», а дети уже выросли. Он ушел, не зная, что я беременна третьим ребенком.

<https://litnet.com/shrt/FTCF>

Я влюбился

Свет. Резкий, безжалостный, пробивающийся сквозь щели в ставнях. Он разрезал темноту, а вместе с ней и ту иллюзию невесомости, в которой я существовал всю ночь. Сознание вернулось не постепенно, а обрушилось разом, как удар.

Я лежал на чужой постели. В чужой комнате. Воздух был плотным, пахло сексом, дорогими духами и... одиночеством. Одиночеством, которое почему-то было острее, чем в моей собственной спальне.

Рядом спала Алла. Она лежала на боку, лицом к окну, спина обнажена до талии, укрытая лишь спутанной простыней. В холодном утреннем свете она выглядела иначе. Моложе. Беззащитнее. Линии ее плеч были хрупкими, а тени под глазами, обычно скрытые тональным кремом, говорили об усталости. Это была не та хитрая, уверенная в себе женщина из офиса. Это была просто девушка. И от этого щемило сердце еще сильнее.

Я осторожно поднялся, стараясь не скрипеть пружинами. Пол был прохладным под босыми ногами. Моя одежда, аккуратно сложенная на стуле, казалась инородным телом в этом пространстве. Я одевался впопыхах, глотая комок стыда и смущения, который теперь подступал к горлу. Где мой телефон? В пиджаке. Выключен. Я не посмел его включить.

Из кухни донесся тихий звон посуды. Я вышел. Она стоя-

ла у маленькой стойки, в одном из моих белых рубашек, закатанных по локоть. Варила кофе. Увидев меня, она улыбнулась. Улыбка была теплой, домашней, лишенной вчерашней двусмысленности.

— Доброе утро, — сказала она просто. — Кофе будет готов через минуту. Садись.

Я сел за крошечный кухонный стол, уставленный горшками с травами. Не знал, куда деть руки, куда смотреть. Все было слишком... нормально. Слишком по-семейному. И от этого было в тысячу раз страшнее, чем от страсти в темноте.

Она поставила передо мной кружку. Потом села напротив, поджав под себя босые ноги, и смотрела на меня, обхватив свою кружку ладонями.

— Ты молчишь, — заметила она. — Уже жалеешь?

Я поднял на нее глаза.
— Я не знаю, что я чувствую. Все как в тумане.

— Это нормально. Первый шаг за пределы привычного всегда вызывает головокружение.

— Это не шаг, Алла. Это... прыжок в пропасть, — я сказал это тихо, но каждое слово было отягощено всей тяжестью происшедшего.

Она потянулась через стол и коснулась моей руки.
— Но ты же летишь. А не падаешь камнем. Чувствуешь разницу?

Я чувствовал. В этом был весь ужас. Несмотря на страх, на вину, на ледяной комок в животе — где-то глубоко внут-

ри горел тот самый огонь, который она разожгла. Ощущение жизни. Острое, болезненное, запретное.

— Что будет теперь? — спросил я, глядя в ее темные, спокойные глаза. — На работе. В... жизни.

Ее лицо стало серьезным. Она откинулась на спинку стула.
— На работе все будет как прежде. Я — твоя исполнительная секретарша. Ты — мой строгий начальник. Ни одного лишнего взгляда, ни одного намека. Это правило номер один. Иначе все рухнет.

— А правило номер два?
— Правило номер два: это наше пространство. Здесь, за этими стенами. Оно существует отдельно. Оно не должно касаться остального мира. Иначе оно умрет.

Она говорила с холодной, почти деловой рассудительностью. И в этом был смысл. Это была не романтическая болтовня, а стратегия выживания. Нашей тайны. Нас самих.

— Ты так все продумала, — не без горечи заметил я.

— Я думаю наперед. Это то, чему я у тебя научилась, Кирилл Владимирович, — в ее голосе прозвучала легкая, едва уловимая игривая нотка, но глаза оставались серьезными. — Я не хочу тебя терять. И не хочу разрушать твою жизнь. Парадокс, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.